

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ГЕЛЬФАНДОВСКОМ СЕМИНАРЕ

Я был приглашен на Гельфандовский семинар глубокой осенью то ли 1963, то ли 1964 г. с определенным заданием – рассказать про теорию биологического поля А.Г. Гурвича. По сообщенным мне условиям, я мог на свой доклад привести одного человека со стороны, но для него это был разовый билет. Вот мы и пришли с моим другом, вирусологом М.А. Липкиндо, в еще пустой полутемный зал московского филиала Института биофизики, где эти семинары тогда проходили. В зале одиноко сидел человек со значком лауреата Госпремии на лацкане пиджака. Кажется, его фамилия была Лукьянов и выполнял он роль, так сказать, лорда-хранителя семинара. “А, новый докладчик, – сказал он. – Так вот: ничему не удивляйтесь, ни на что не обижайтесь и никогда не теряйте присутствия духа”. Это наставление пригласилось незамедлительно. Постепенно зал наполнялся, а И.М. Гельфанда все не было. Настал момент, когда мне предложили начать. Я произнес несколько слов, и тут вошел И.М. в сопровождении одного или двух человек. Не глядя на меня, он обратился к одному из присутствующих: “Ну что, он разумно говорит?” Кажется, ответ был утвердительным. “Ну, ладно (это уже ко мне), тогда продолжайте. Или нет, лучше я расскажу о своей единственной встрече с Гурвичем. Да, я к нему приходил и разговаривал о науке. Он произвел на меня глубокое впечатление. Это был настоящий мыслитель. Но теперь так не думают”.

Кто-то из зала: – А как теперь думают, И.М.?

– А этого я вам сказать не могу. Ну ладно, продолжайте.

В тот раз меня встретили на ура и постановили продолжить обсуждение на следующем семинаре. Когда семинар кончился, ко мне подошел молодой человек с горящими глазами, в большой пыжиковой шапке и с воодушевлением стал говорить, как все это важно и интересно. “Кажется, это какой-то биохимик”, – подумал я и с присутствующим мне тогда нахальством стал его упрекать, что, мол, все вы, биохимики, растираете живое в ступке, утрачиваете организацию, а надо заниматься именно целым и т.д. Он не возражал и смущенно кивал головой. На том тогда и расстались. Очень скоро я узнал, что это был не вполне биохимик, а скорее, *молекулярный биолог*, и зовут его Александр Сергеевич Спирин. Кажется, это был наш единственный научный разговор.

Воодушевленный этим неожиданным успехом, на одном из следующих семинаров я вылез с сооб-

щением о собственных данных по статистической обработке клеточных движений у гидроидных полипов. Тут-то меня истерли в мелкий порошок, чтобы не слишком задавался. С воспитательной точки зрения это было, наверно, правильно, но на чем была основана критика, я так до сих пор и не понял. Изменилось и отношение И.М. к теории Гурвича. Когда я спросил его, следует ли ей заниматься дальше, он сказал: “Займитесь лучше чем-нибудь перпендикулярным”. Этому совету нельзя было отказать в мудрости.

Из докладов, прослушанных на семинаре, мне более всего запомнилась серия сообщений того же А.С. Спирина о самосборке рибосом и о реакции бактериальной клетки на колицин, а также доклад А.А. Нейфаха о быстрых метаболических реакциях оплодотворенной яйцеклетки. Все эти сообщения группировались вокруг идеи кооперативных реакций. Это, несомненно, было по тем временам важным и новым.

Довольно скоро, однако, обстановка семинаров начала меня тяготить. Мне стал казаться неуместным и даже комичным снобизм участников, гордящихся своей причастностью к этому строго закрытому кружку. Сплошь и рядом И.М. мог опоздать на час, прийти вместе с незнакомым человеком и сказать, обращаясь к аудитории и томлящемуся докладчику: “Мы вас сегодня слушать не будем. Только что по дороге N мне рассказал такие интересные вещи, что слушать мы будем его”. И.М. мог грубо прервать докладчика, начать над ним смеяться и т.д. Говорили, что все такое перенято с семинаров Ландау. Не знаю, там я не был. Но через несколько лет я стал постоянным участником семинаров Д.С. Чернавского по теоретической биофизике в ФИАНе. Там, против моих первоначальных ожиданий, ничего такого и в помине не было – господствовала спокойная, интеллигентная и доброжелательная обстановка. Никто ни над кем не смеялся, и за несколько лет мне удалось от нулевого уровня освоить теорию самоорганизации, что решающим образом повлияло на всю мою дальнейшую научную жизнь.

Но вернемся к семинару Гельфанда. Если можно было говорить о какой-то господствующей там идеологии, то это был абсолютный, доведенный до упора, эмпиризм. Создавалось впечатление, что на этом семинаре (И.М., несомненно, вел и другие, по своей собственной специальности) Гельфанд всеми силами стремился отгородиться от всего, связанного с математикой, а заодно и с любыми

попытками теоретизировать, строить модели и т.п. “Как фибробласт съел хлоропласт”, – вот одна из тем, которую И.М. нарочито муссировал, подчеркивая свою непричастность, а то и презрение ко всему, выходящему за рамки прямых наблюдений.

Конечно, такая точка зрения имела свои резонансы. Конечно, обескровленная российская биология того времени, только-только начинающая подниматься “из-под глыб” лысенковщины и к тому же лишенная даже минимальных материальных ресурсов, злоупотребляла расплывчатостью, ни к чему не обязывающим теоретизированием. А в это время в передовых странах мира молекулярная биология совершала свои первые захватывающие открытия, основанные на чистой эмпирике! Естественно, что на семинаре господствовала именно западническая идеология, по постоянной российской привычке еще и утрированная (*plus royaliste que le roi*). Другой вопрос: могли ли такие воззрения, культивировавшиеся в узком кружке избранных, оказать более или менее заметное влияние на “окружающую среду”, в те времена еще довольно густо заселенную представителями “мичуринской биологии”?

Вообще, как мне говорили отцы-основатели семинара, он и был задуман как объединение антилысенковских сил. Но в этом крылось глубокое противоречие. Ведь “научное обоснование” лысенковской биологии было столь убогим, что лишь самые малограмотные люди, а в 99% случа-

ев – чистые карьеристы (как оказалось, притом весьма близорукие) могли вступить в лагерь Лысенко. Противостоять и тем и другим на почве чистой науки было равно бессмысленно. Другой задачей семинара был, по-видимому, отбор неофициальной научной элиты. Позже мне это вспоминалось, когда стали заявлять о себе постперестроечные дворянские собрания.

При всем том внутри семинара, в общем, господствовали отношения взаимоуважения и взаимоподдержки. Я с признательностью вспоминаю помощь, которую много позже в трудные минуты оказали мне видные члены семинара. Особо следует вспомнить, что долгие годы членами семинара были такие активные диссиденты, как С.А. Ковалев и А.А. Нейфах. Догадываюсь, что отношения с тогдашним партийным начальством стоили И.М. и его помощникам немалой крови. Впрочем, в таком же положении находились и сотрудники теоретического отдела ФИАН по отношению к А.Д. Сахарову.

Шумное, безалаберное и противоречивое сборище, называвшееся Гельфандовским семинаром по биологии, – яркая и запоминающаяся картина из истории отечественной науки.

*Л.В. Белоусов, профессор,
доктор биологических наук
E-mail: morphogenesis@yandex.ru*